

ЧЕГО СТОИТ ХЛЕБ

РАССКАЗ

ДЖОРДЖ АВУНОР-ВИЛЬЯМС

РЕБЕНОК снова зашелся сухим, мучительным кашлем. Он задыхался. Когда спазмы ослабевали, он начинал тихо плакать. Что с малышом? Поправится ли он? Женщина повернулась на бок. Потом поднялась и открыла маленький калабаш¹ у изголовья. Вынула челюсть хамелеона и травы, завернутые в голубой лоскут. Растерла травами грудку малыша семь раз. Потом поменяла пеленку. Ребенок успокоился и задремал, хотя спазмы продолжались и во сне.

Женщина так и не уснула. Она задула коптилку (снова подняли цену на керосин!), легла на спину и уставилась в потолок. Свет зари пробивался сквозь пальмовые листья. Поэтому потолок был похож на черное небо, усыпанное звездами. Третий петух прокричал. Третьим всегда кричит петух соседки, старухи Шоме. Вечно он отстает от других петухов в Софе. Наверное, и впрямь старуха Шоме — колдунья. Недаром люди говорят.

Женщина встала и отворила дверь. Небо быстро светлело на востоке. Пусть малыш поспит... Она умылась. Сегодня базарный день в Кете. У нее уже кончается зерно, надо везти циновки на базар. «Малыш болен, но я должна ехать. Я задолжала за мыло лавочнику и старухе Агбодо за рыбу. И у меня кончается зерно».

¹ Калабаш — сосуд из выдолбленной тыквы.

Д. АВУНОР-ВИЛЬЯМС — современный ганский прозаик и поэт. Его стихи «Море пожирает землю у моего дома» широко известны в Гане, опубликованы в переводе на русский язык. «Чего стоит хлеб» — один из новых рассказов Авунора-Вильямса.

Лодки обычно отходят в шесть, как раз перед восходом. Из остатков зерна она сварила кашку для малыша. Потом осторожно вынесла его за порог хижины. Котелок с водой уже кипел. Она вымыла ребенка, насухо вытерла его. Малыш проснулся. Его глазки, утомленные и тусклые, уставились на мать. Губы на мгновение искривились в короткой старческой улыбке. И снова его личико приняло прежнее выражение — усталости и строгой отрешенности. Голова склонилась на высохшую материнскую грудь.

— О мой бог, мой повелитель, ты снова всю ночь кашлял. Мне надо ехать на базар сегодня. Ты поедешь со мной?

Ребенок не отвечал. Ему было всего восемь месяцев.

— Ну да, ты поедешь со мной. Я куплю тебе ботиночки и лошадку, которую мы видели в большой лавке. Тебе понравится лошадка. Мой бог и повелитель будет скакать на ней верхом! Джидига, джидига... А?

Она погладила малыша по щеке и заглянула ему в глаза.

— А теперь наденем новое платье. Ты не забыл о нем?

Это платье она сшила вчера вечером из завалющего куска ситца, после того как целый день плела циновки.

Она одела малыша и собралась уже привязать его к спине, но он снова раскашлялся. Сухой и долгий кашель отдавался болью в материнском сердце. На глазах ребенка выступили слезы.

Знахарь уверял, что от этих трав ребенок поправится. Она отдала ему все, что удалось накопить за восемь базарных дней, — семь шиллингов и семь пенсов да впридачу белого петуха, за которого еще не рассчиталась с лавочником. Вот уже третья луна, как у малыша кашель и рвота. Она

возила его в деревню своей матери в Тсяме. Ей сказали, что дух ее покойного мужа должен принести жертву глиняному семиглазому божеству на околице деревни Голова Привидения. Она сделала, как ей сказали, но малыш по-прежнему кашляет. А сегодня ей надо ехать на базар.

Она опять отнесла малыша в дом, уложила на постель — циновку, покрытую влажным тряпьем. Сосчитала приготовленные для продажи циновки — восемнадцать, — аккуратно перевязала их веревкой. Малыш перестал кашлять. Она пристроила его у себя за спиной, крепко охватив куском материи. Потом утвердила на голове тук с циновками и вышла из дому, приперев палкой бамбуковую дверь и налив воды уткам. «Придется им поголодать до моего возвращения».

«Восемнадцать циновок пусть хоть по четыре пенса за штуку. Если я продам все, это будет... За три циновки — шиллинг, еще три — это будет два шиллинга, и еще двенадцать остается, раз, два, три, раз, два, три — шесть, еще два шиллинга, шесть шиллингов за восемнадцать циновок».

Шиллинг надо отдать лодочнику. За малыша Атсу не возьмет, он такой добрый. Шесть пенсов я истрачу на еду. Тогда и малыш поест, и я поем, и уток накормлю. Хватит до следующего базарного дня».

На берегу лагуны она встретила своих обычных попутчиц и вежливо поздоровалась с каждой.

— Ты что-то запоздала сегодня...

— Из-за малыша...

— А что с ним?

— Да ничего. Только иногда он плачет и не ест. Приходится так долго его уговаривать. Чертежок...

— Он спит?

— Да. Только бы базар сегодня удался!..

— Да не оставят нас боги!

Лодочник, собираясь отчаливать, закричал на всю деревню:

— Отплываем, отплываем! Речной экспресс отправляется! Опоздавших нет!

Он отвязал веревку от торчащей из воды коряги. Лодка отчалила. Они проплыли ярдов пятьдесят, и подручный лодочника уже собрался ставить парус, когда с берега донесся женский крик:

— Я иду, иду-у! Мастер Атсу, я уже здесь!

Это была Адзова. Вечно она опаздывает!..

— Эта женщина никогда не поспевает вовремя. Интересно, что у нее за дела по утрам?

— Говорят, ее муженек не любит, когда она рано встает.

Все дружно рассмеялись. Женщина вспомнила своего мужа и приумолкла. Атсу повернул лодку к берегу: шесть пенсов на дороге не валяются, да к тому же у Адзовы язычок, как бритва, и она знает кучу смешных историй.

Захватив Адзову, лодка наконец отплыла. Лодочники распустили парус, женщины развязали языки. Вместе со старшими хихикали и фыркали дети, радуясь, что внезапно попали в манящий мир взрослых.

Утренний воздух веял прохладой. Женщина отвязала малыша, усадила его на колени и дала ему дряблую грудь, хотя он еще не проснулся. Он тихо сосал, изредка причмокивая и приоткрывая веки.

— Ты все еще кормишь его грудью? Сколько ему?

— Он видел всего восемь лун.

— Некоторым детям дают грудь и в три года.

— Моя мать кормила меня до двух лет.

— Э, вот видите!

— Кстати, что за чиновник приходил к тебе вчера?

— О, это Агбовия, мой младший муж. Он живет в Такоради.

— Какой красивый! Дзату видела, как он приплыл с вечерним рейсом. Она-то мне и сказала о нем.

— Эта девочка ни одного мужчину не пропустит! Все замечает.

— Что ж, ведь ей семнадцать, она уже настоящая женщина.

— Надолго он приехал?

— Этих образованных не поймешь! Вечно они спешат. Он говорит, что наша деревня — настоящая дыра и что мы ложимся спать вместе с курами.

— Я слышала, что в больших городах ночью вообще не спят.

— Да-да! День у них начинается ночью, потому что по ночам там точь-в-точь как днем из-за этих электрических ламп!

— Да ну?

Ребенок снова закашлялся.

— Какой плохой кашель у малыша!

— Ну что вы, это только простуда.

— Хм, мне не нравится, как он хрипит.

— Ты показывала его кому-нибудь?

— Я носила его к знахарю, старику Тудзи. Его все так хвалят...

— Снеси его к жрецам. Они сразу скажут, что с ребенком.

— Непременно.

— С таким кашлем не шутят.

— Конечно, завтра же отнесу его к жрецам.

Приступ кашля вскоре кончился. Женщины в лодке глядели на ребенка, на его мать. Разговоры стихли.

Плохой кашель. Плохой кашель...

Они не сказали ей о своих подозрениях. Но женщина знала, что у них на уме. Сердце ее замерло. Она взглянула на малыша, потом на жен-

щин. А те уже говорили о воре, которого поймали в Абломе бойскауты,—крал коз. Подумайте, им оказался Атоба, тот самый, что уже отсидел за кражу шести калабашей масла. Помните, он стянул их у женщины, приехавшей из Лагоса?

Бриз, усиленный крепчающим ветром с лагуны, надувал паруса. Повсюду виднелись лодки рыбаков. Мальчишки высыпали из сетей шпроты — было как раз время их лова. Подручный лодочника, паренек лет шестнадцати с юркими глазами, вдруг громко запел похоронную песню. Атсу, лодочник, прикрикнул на него. В самом деле, ведь мать мальчишки еще не умерла... Паренек замолчал и отвернулся. Показались кокосовые пальмы и высокие здания Кеты. Уже доносился городской шум.

Ребенок заснул у матери на коленях.

— Накрой его чем-нибудь. Нельзя ему лежать на ветру.

— Да, да. Как следует укутай его!

Женщина сняла с себя кусок полотна и бережно завернула в него ребенка. Ведь ему нельзя лежать на ветру.

Вот уже шесть лун, как умер ее муж. Однажды он вернулся домой с поля и пожаловался на боль в голове. Она приготовила ужин, вскипятила большой котел, чтобы муж полежал в горячей воде и пропотел как следует. Всю ночь он стонал и не мог заснуть. Женщина испугалась; она побежала за стариком Тудзи, знахарем, и привела его к мужу. Она зажгла коптилку, и они осмотрели больного. Старик остался у его постели, а она пошла убаюкать ребенка, который проснулся и заплакал. Что, если муж умрет?! Не дай бог! Не дай бог! А потом старик, тихо ступая, пришел за ней и сказал, что муж скончался.

После похорон, во время которых приглашенные дочиста подобрали весь прошлогодний урожай, она оделась в черное. Она носит траур и по сей день. Ребенок заболел, и предсказатель, живший в деревне ее матери, посоветовал принести жертву семиглазому глиняному богу на окраине деревни Голова Привидения. Только бы базар удался... Да услышат боги мою молитву!

Родители были против ее замужества. Они говорили, что ее жених зачат божеством и что со дня рождения он был обещан идолам. Ведь он единственный ребенок у матери, она родила его после бесчисленных жертв и подношений божествам Денте и Тигаре. Ему не суждено дожить до старости. Каждый это знает. Но родственники ее матери в Тсяме не возражали против свадьбы. Они говорили, что у жениха пара крепких рук, а его амбар всегда наполнен зерном.

Она любила его. Он был прекрасным танцором. А она была тогда молода, хороша собой — полная, с красивым племенным знаком на лице.

В тот год луна закрыла солнце, и люди гово-

рили, что нужно ждать всяких чудес. Ночь наступила днем, и куры помчались к насестам, засыпая на бегу. Старики вспоминали, что то же самое случилось накануне великой войны Кассавы, когда народ поднялся против Большого английского форта в Кете и военный вождь Дженги Дзокото правил в форте до тех пор, пока англичане не заманили его хитростью на корабль, увезли в Аккру и обезглавили. И впрямь, чудные вещи произошли в тот год. В Абломе коза родила козленка с шестью ногами. Старики зарезали его ночью в лесу под бой магических барабанов и торжественные песнопения. В тот же месяц вождь Адакпо был найден мертвым на своем поле с застывшей пеной на губах. И в тот же месяц несколько юношей убежало из деревни в Аккру, чтобы записаться в армию. Вот поэтому ее родители и твердили, что следует повременить со свадьбой. Ведь год ничего хорошего не сулил. К тому же жених ее был обещан идолам. Но она не послушалась...

Лодка вошла в маленькую бухту. Женщины зашевелились. Атсу собирал шестипенсовики. Некоторых старух пришлось на руках переносить на берег. Потом сгрузили циновки, корзины, снопы сахарного тростника.

Женщина усадила малыша на спину, подняла на голову циновки и отправилась на базар через ворота, обращенные к лагуне. С нее взяли три пенса за вход.

Прошел час, а она еще ничего не продала. Ребенок спал, негромкие вздохи с тревожным клекотом вырывались из его маленькой стиснутой спазмами груди. Женщина не отрываясь глядела на него. Только бы базар удался... Боги наши, не оставьте нас! Нужно накормить ребенка. И она сама должна поесть. У нее оставались три пенса, надежно запрятанные в пояс. «Я истрочу их на еду для ребенка. А сама поем, когда продам хоть одну циновку». Она укрыла мальчика куском материи, взяла миску и повернулась к соседке:

— Присмотри за ребенком, пока я куплю чего-нибудь поесть.

Когда она вернулась, ребенок не спал. Какая-то женщина стояла над ним, разглядывая циновки.

— Сколько стоит вот эта?

— Шесть пенсов.

— Может, немного уступишь?

— Назовите вашу цену.

— Я бы дала два пенса.

— Да побойтесь бога! Ведь циновка такая прочная, что даже детская моча ее не испортит. Я сбавлю пенни. Платите пять — и по рукам.

— Четыре пенса — последняя цена.

Женщина колебалась. Четыре пенса — слишком мало. Но это первая покупательница сегодня. А ведь нужно купить зерно и отнести ребенка к жрецам.

— Ну хорошо. Берите за четыре пенса.

Покупательница протянула шиллинг. У женщины не нашлось сдачи.

— Извините, у меня нет сдачи. Я схожу, разменяю.

Прошло минут десять, прежде чем она нашла мелкие деньги. Покупательница ждала ее, взяв на руки ребенка, который снова плакал.

— Как долго ты ходила!

— Ни у кого не могла найти мелочь.

— Ребенок болен. У него плохой кашель. Нужно отнести его в больницу.

— Больница!.. Это мне не по карману. Я покажу его завтра жрецам.

— Но ребенок очень серьезно болен!

— Да, и поэтому я отнесу его к жрецам.

Женщина взяла малыша у покупательницы, села на циновку и стала кормить его. Ребенок отворачивался от кашки — ему не хотелось есть.

— Поешь еще, мой бог и повелитель! Еще немало!.. Не хочешь? Если не будешь есть, я не куплю тебе лошадку. Ну еще хоть ложку... Не хочешь? Тогда я... Знаешь что... Ох, смотри, тебя тошнит, вырвало все, что съел!

Ребенок заплакал, женщина дала ему грудь, мягкую отвисшую плоть, в которой почти не было молока. Ребенок тихо сосал и не отводил глаз от матери, словно хотел сказать ей что-то.

Потом подошли два покупателя. Они купили по циновке. Женщина обрадовалась и вся напряглась в ожидании бойкой торговли. К часу дня, когда солнце уже было в седле, она продала четыре циновки.

— Мой бог, мой маленький повелитель! Если ты позволишь, я схожу и куплю себе чего-нибудь поесть.

Базар постепенно затихал. Женщина сидела за циновками, держа ребенка на коленях, и зазывала редких покупателей:

— Крепкие циновки, лучшие на базаре! Дешевле собачины! Хозяин, только поглядите на них... Эй, госпожа, разве вам не нужна циновка? Только взгляните на них, можете не покупать. О господи, неужели трудно хоть взглянуть на мои прекрасные и прочные циновки? Я не стану торговаться, берите хоть за два пенса. Дешевле, чем собачина...

Перед закатом она продала еще три штуки. На эти деньги можно купить всего полторы меры зерна. Этого не хватит и до следующего базара. Она устала. Ее мучила жажда. Ребенок все еще спал.

Женщина разыскала разносчика воды и купила целый калабаш. Когда она вернулась, то увидела, что ребенок проснулся. Надо складывать вещи — лодочник уже объявил посадку. Она взяла малыша на колени и напоила его. Он затряс головкой и отвернулся. И внезапно его сковал новый приступ удушья. Он кашлял и кашлял, долго и сухо, даже

не успевая перевести дыхание. Женщина нежно баюкала его и отирала тряпкой слюну, выступавшую у него на губах. Потом ребенок судорожно потянулся, зрачки его закатились, и он сразу затих и похолодел.

Женщина знала — это конец. Ребенок умрет. Закричать? Позвать на помощь? Она растерялась. Мертвый ребенок лежал у нее на коленях. А она смотрела по сторонам, задыхаясь от ужаса и тоски. Какой-то мужчина спросил, почем циновки.

— Четыре пенса. Отличная циновка. Такая прочная, что даже детская моча ее не испортит...

— Слишком дорого.

— Хозяин, пожалуйста, берите за три пенса. Всего три пенса за такую большую циновку. Двое взрослых могут уместиться на ней.

Человек заплатил три пенса и пошел прочь. Женщина взглянула на мертвого ребенка. Она сомкнула ему веки и еще тщательнее завернула его в кусок материи. Ведь ему вредно лежать на ветру. Она опустила малыша на землю и взяла миску.

— Я схожу за зерном, а ты, мой бог, мой маленький повелитель, присмотри за циновками.

Но она знала, что ребенок уже не может ее услышать. Пока она ходила за зерном, она чувствовала горечь, смешанную с облегчением. Ей все казалось, что беда, которая должна была произойти, все-таки не случилась; сейчас она вернется с зерном, ребенок проснется и заглянет ей в лицо, требуя еды.

Купив зерно, она вернулась назад, но ребенок не проснулся. Он не просил есть. Он даже не кашлял.

Она тщательно упаковала циновки. Потом привязала малыша к спине и бережно закутала его, потому что ветер все крепчал. На берегу лагуны собрались уже почти все ее попутчицы.

— Почему ты так поздно?

— О, я ходила за зерном, простите меня.

— Как маленький?

— Он спит. Знаете, он вел себя очень хорошо, крепко спал и даже поел не просыпаясь.

— Это хороший признак. Но все же нужно завтра показать его жрецам.

— Конечно, обязательно, обязательно.

Солнце зашло, и чайки, поохотившись на рыб, возвращались с моря на птичьи острова, разбросанные по лагуне. Мягкий и ласковый бриз наполнял паруса, и лодочники отложили в сторону весла и багры. Все говорили, что базар удался на славу.

— Ты много циновок продала?

— Да во всяком случае хватило на то, чтобы купить зерна.

— Вот и хорошо.

Перевел с английского
Виктор Рамзес